

Редакция поздравляет известного казахстанского писателя, автора 26 книг стихов и прозы, лауреата международной премии «Алаш», заслуженного деятеля культуры Казахстана, члена Союза писателей Казахстана Орынбая Жанайдарова с 75-летием, желает творческого долголетия и здоровья. В настоящее время автор проживает в городе Сан-Диего (США).

С удовольствием представляем читателям фрагмент его романа «Дитя Великой степи», посвященного жизни и творчеству выдающегося казахского поэта и композитора, батыра Иманжусупа Кутпанова (1863–1931).

Орынбай ЖАНАЙДАР
Дитя Великой степи
 Исторический роман
 (фрагмент)

ПРОСНИСЬ, КАЗАХ!

*Открой глаза, подними голову, проснись, казах!
 Годы бессмысленны, если тьма висит пеленой на глазах.
 Отняли землю, вера ослаблена, силы отравлены,
 Теперь, уважаемый, лежать не годится, вставай, степняк!*

*Пикой тычут в бок тебе, а ты все лежишь весь во снах...
 Не просыпаешься, такой сильный сон дал нам Аллах!
 Есть ли такой беспечный народ, как мы, нигде не найдешь,
 Даже если взглянуть за горизонт, что весь в миражах!
 Глаза уж опухли от сна, а ты все спишь, чудак,
 Надеюсь на молодежь, чтоб цвела, как цветы в садах!
 И кто сможет найти легкий свой путь, его просто нет,
 Он может обманчивым оказаться, о, мой казах!*

*Народу, молодежь, будьте вождями, к горным истокам,
 За руку взяв, выводите его из темноты к вершинам высоким.
 Народ, как стадо овец, пред широким и глубоким потоком,
 Кто, кроме тебя, его выведет? Только ты! С богом!*

М. Дулатов (1907 г.) (перевод О. Жанайдарова)

«...Человек, родившийся поэтом, умирает поэтом».

Асан Кайгы. XIV век

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ

ЛАВИНА. ПОСЛЕДНИЙ БОЙ КЕНЕСАРЫ. 1846 ГОД

Где-то высоко в горах один из орлов, перед заходом солнца взлетая на вечернюю охоту, сильно оттолкнулся от круглого камня, на котором царственно восседал, и тот покатился вниз, по пути увлекая за собой другие булыжники. Лавина камней, толкая друг друга, грохоча, как скорый поезд, устремилась вниз, к подножию горы. Не дай бог кому-нибудь, человеку или зверю, оказаться на ее пути. Попав в речное русло, такие лавины образуют сель, который может неожиданно ворваться в аул и снести с лица земли жилище человека.

Лавина прошла в соседнем ущелье, на закате солнца. Но в других ущельях стали уходить в безопасные места звери, хотя напрямую им никто не угрожал. Тревога вдруг охватила и людей, они долго не ложились спать, что-то давило на них.

Это был ультразвук, исходящий от двигавшихся камней, от катящейся вниз лавины, которая падала за несколько верст от места событий. Начавшись высоко в горах, лавина к середине движения набрала силу. И теперь всё вокруг нее гудело и гремело, всё большего размера камни и валуны неслись вниз со скоростью катящегося на лыжах человека. Пыль и каменная крошка поднялись вверх, и если бы кто-то наблюдал сверху за движением в вечернем полумраке, он заметил бы, как вековые огромные сосны с корнем вырываются из горной почвы, как будто это не могучие деревья, а небольшие, только что посаженные, не укрепившиеся саженцы. Все во власти божьей, и, видимо, providению было угодно, чтобы в долину обрушилась именно эта каменная масса.

У каждого явления есть свой внутренний ритм, который определяет сущность движущегося предмета. Возникшие от лавины гул и грохот начинают влиять на людей, находящихся на значительном расстоянии, и подвигают их на действия. Подобно тому, как кошки и собаки пытаются уйти от места будущего землетрясения, так и люди подсознательно чувствуют надвигающуюся угрозу. Как мне объяснили психологи, подобное может происходить перед всякими обвалами и другими стихийными бедствиями. Даже перед грозой, перед будущим дождем, когда меняется атмосферное давление, человек не может найти себе покоя, мечется, пытаясь хоть что-то предпринять. Человек ведь тоже животное, и где-то на подсознательном уровне он чувствует опасность, угрожающую ему. В условиях войны это усугубляется общей тревогой и неудачами предыдущих дней...

Два русских солдата, примкнувшие к отрядам Кенесары три года тому назад, до этого нечаянно убившие офицера и бежавшие от военного суда, Матвей Шестаков и Константин Балыкин, вдруг заметили передвижения конных казахов в ночной темноте. Казахи, успевшие подружиться с ними, с «Мотей» и «Котей», как они их прозвали, уже не отличали их от других воинов Кенесары, изрядно привыкли к ним. В короткие сроки обучившись казахскому языку, молодые русские парни, по происхождению обыкновенные крестьяне, вовсе стали своими среди повстанцев. К тому же давно износилась их военная форма, и они оделись в казахскую повседневку: халаты и штаны, да высокие кожаные сапоги выше колена. Теперь их ничем нельзя было отличить от сарбазов Кенесары, разве что, приглядевшись, можно было разглядеть голубые глаза Матвея. Константин так вообще был кареглазый и черноволосый... Оба

они были загорелые, а кожа на лице давно обветрилась в бесконечном походе по казахским степям.

Так вот, эти самые Мотя и Котя, разбившие свой бивак под одной из скал, увидели, как казахи готовятся к бегству, седлают лошадей, собирают скудный походный скарб. Многие даже не сажались ужинать, уходили голодными, вскочив на коней и устремляя их вниз, в долину...

Матвей и Константин, не понимая, что происходит, привыкшие к точному исполнению команд, – а никакой команды собираться и уходить с места сражения не было, – застыли с котелками в руках, оглядывая спускающихся вниз, отделение за отделением, казахов. И только когда бегство приобрело лавинообразный характер, когда уже все двинулись вниз, почти все десять тысяч вооруженного войска, тогда и Матвей с Константином засобирались и вскочили на коней.

Когда они влились в толпу суетящихся, почти ничего не говорящих, а лишь вскрикивающих что-то людей, они с удивлением обнаружили, что среди отступающих казахов нет-нет да и мелькнет белая шапка кыргыза... Те тоже бежали вниз, в долину, несмотря ни на что, никого не слушая... Причем кыргызов становилось все больше и больше, между ними и казахами начались стычки, слышались выстрелы. И вся эта огромная масса людей продолжала двигаться вниз, вниз, вниз, медленно сползая с гор, как одеяло сползает с высоких подушек постели...

Когда до манапа Ормона дошло известие о том, что казахи бегут вниз, бросая все и ни на кого не глядя, он решил использовать это по-своему. Ормон приказал кыргызским воинам надеть поверх курток и халатов белые рубашки, чтобы их можно было отличить в ночной темноте, и атаковать бегущих казахов! И кыргызские соединения, пытаясь не упустить счастливый момент, устремились вслед за отступающими отрядами.

Потери среди казахов были большие. Кыргызы узнавали их по голосам, поскольку кыргызский и казахский языки, общие по корням, имеют значительные расхождения при произношении. Бедой казахов стала фонетика! Много казахов было пленено, даже те кыргызские мальчишки, которые вели в поводу коней и не участвовали непосредственно в военных действиях, и те пленили нескольких ничего не понимающих и ничего не видящих в ночной темноте казахов. Отчаяние поражения в этой войне было бесповоротным!

Многие казахские девушки, которые всегда прятали свои длинные черные волосы под шлемами, в темноте были убиты, поскольку наступавшие кыргызы не отличали их от сарбазов.

Лишь одна девушка распустила волосы по плечам и, видя неминуемую гибель, закричала: «Мен кызбын!» («Я – девушка!») Кыргыз Нарбай взял ее в плен и отдал в жены своему сыну. Дети от нее и сейчас живут в роде Кайдулат, а аул ее пасет скот на альпийских лугах под вершиной горы Кетпен.

Кыргызы легко узнавали казахов, поскольку сами они были в белых одеждах, и поражали бегущих сарбазов почти без всякого сопротивления. Батыр Байзак из рода Шымыр разгадал эту их хитрость, приказал своим сарбазам переодеться в белые одежды. Поэтому потери в его отряде были небольшими.

Садык из рода лысых Сарыбагышей пленил одного именитого казаха и, узнав его, бывшего своего «тамыра», друга по клятве, хотел отпустить на свободу. Но манап Жантай давно, вот уже несколько лет, охотившийся именно за этим казахом, считавший его своим лютым врагом, приехал к сарыбагышам и самолично убил его.

Агыбай батыр из рода Шубыртпалы смог отделить своих людей от основной массы, и пока не прекратилось ночное преследование, укрывался с ними в

одном из логов. После того как кыргызы ушли, он вывел свой отряд на дорогу, ведущую в сторону Токмака, и благополучно ушел. Именно ему предстоит через несколько дней отомстить за смерть плененных Кенесары и Наурызбая...

Потерявшие последнее соображение, перепуганные и растерянные казахские отряды добежали до долины, до того места, где река Ыргайты выходит в степь...

Дайырбек из рода Тынай со своими людьми захватил в плен Наурызбая. По другой версии, Наурызбай сам пришел к кыргызам, после того как узнал, что его старший брат и вождь Кенесары оказался в кыргызском заточении. «Моя жизнь не дороже жизни моего старшего брата», – сказал он при этом. Это была его трагическая ошибка, потому что сами кыргызы, опасаясь неукротимой мести этого великого молодого витязя, взяли в плен, но пока еще не убивали хана Кенесары. Если бы Наурызбай подождал еще несколько дней, не торопился к своей смерти, то кыргызские манапы освободили бы плененного хана, и, возможно, тогда и осуществилась бы мечта Кенесары об объединении двух братских народов!.. Но история не знает сослагательного наклонения, все эти «бы» не состоялись, а то, что произошло, и есть сама Мать История. Поэтому ее великие уроки так поучительны!

Говорят, Наурызбай, сдаваясь кыргызам, сказал: «Если вы соображаете своими головами, я вам, каждому из двенадцати человек, взявшим меня в плен, дам столько денег, сколько захотите. За это вы должны доставить нас к своим...» Вероятно, Наурызбай явился к кыргызам, чтобы выкупить жизнь старшего брата... Вот причина его добровольного прихода к кыргызам. Но кыргызы не послушались его!

Хан Кенесары со своей личной охраной оставался в своем шатре, с досадой наблюдая за безумным исходом своих войск. Неуправляемый поток людей уходил все дальше, в никуда, откуда возврата, как казалось, не было.

На каком-то фланге дрался с кыргызами неукротимый младший брат хана Наурызбай. Отдельные вспышки сопротивления тут же гасились многочисленной толпой шумящих кыргызов. Войско отступало без хана, неуправляемая, перепуганная толпа.

Двенадцать тысяч казахов во главе с батыром Сыпатаем и Рустемом торе бежали от кыргызов в ту злополучную ночь. Собственно, бегущие вниз казахи – это были отряды Сыпатая и Рустема.

Наутро Кенесары приказал оставшимся рядом с ним воинам готовиться к атаке! Он сам поведет их в последний бой, он сам, с горсткой людей, сокрушит многочисленных кыргызов. Рядом с Кенесары было около четырех сотен сарбазов...

Бой начался сразу после того, как рассвело. Кыргызы манапа Ормона с удивлением обнаружили, что лагерь хана Кенесары не трогался с места. Ханы не подвержены никаким ультразвукам, исходящим от стремительно ползущих вниз каменных лавин... Поэтому они и ханы!.. Тем более что это был Кенесары, человек с железной волей и горячим гордым сердцем. Никто, кроме его сестры Бопай, не подозревал, что Кенесары ищет в кыргызских горах не жалкую жизнь вассала русского царя, а горькую одинокую смерть.

Кыргызским родом, который в своем последнем сражении атаковал Кенесары, был род Тынай. Долго сражались хан и его охрана против многочисленных кыргызов, много полегло в том бою людей. Но к полудню сражение завершилось, силы хана иссякли, стражники его погибли. Кыргызы связали его веревками, не решаясь убить сразу... Неизвестно было, как все повернется в дальнейшем. Многие казахские батыры и воины ушли от погони, но они ведь могут и вернуться. Не спросится ли тогда с кыргызов вдвойне?

Среди тех, кто в эту трагическую ночь спустился с гор в долину, фактически бежал, спасая свою жизнь от последствий горной лавины, был рядовой воин казах из рода кыпчак Кутпан Дайрабайулы, примкнувший к отрядам Кенесары в самом начале движения. Кутпан и четверо его друзей прибыли с берегов реки Сырдарьи, влились как рядовые воины и сражались бок о бок с другими сарбазами Кенесары. Они были вместе с Кутпаном, жили походной жизнью, пока не добрались вместе со всеми до Жетысу – Семиречья, и далее до кыргызской земли. Когда начались кровавые сражения с кыргызами, судьба разбросала их по разным отрядам, да так, что Кутпан в ту злополучную ночь бегства с гор потерял с ними всякую связь. Он так и не узнал позднее, что с ними случилось, куда они подевались. Неизвестно было ему, погибли ли они в бою, попали в руки кыргызов, где они вообще?

И вот бедные казахи, потерпев поражение от каракыргызов Алатау, от горных черных кыргызов, бежали вниз и стали отступать и отступать... Этим бегством им удалось уйти от погони и остаться в живых. Мелкими группами по несколько человек уходили они пешком, поскольку коней их перебили в сражении, кто в сторону Сырдарьи, кто в Сарыарку. Решив не возвращаться с позором в родные места, молодой джигит Кутпан шел в Сарыарку, подальше от этих злосчастных гор Алатау, гораздо севернее его родной Сырдарьи, севернее безжалостных палящих песков Бетпақдалы. В пути никто у него не спрашивал, кто он и куда идет, а сам он молчал, никому не говоря о гибели Кенесары и Наурызбая, о том, что он один из воинов мятежного хана. Да люди и сами уже, наверное, все узнали, обо всем прослышали.

Когда совсем уже нечего было есть, приходилось ловить рыбу в местных речках и озерах. В начале пути в группе, в которой был и Кутпан, было около тридцати человек. Ближе к Балхашу их осталось меньше половины. Кто-то умер от незалеченной раны, полученной в бою. Кто-то от болезни. Кто-то от голода в песках Бетпақдалы... Кто-то от истощения не мог уже двигаться и падал замертво в стороне от дороги... Взять их на плечи и тащить на себе неизвестно куда и неизвестно сколько времени нет никакого смысла, сам еле-еле двигаешься, рад глотку воды... Тяжело бросать изможденных, высохших от голода и зноя друзей, да делать нечего. Тебя самого кто-нибудь спасет?.. Кому ты нужен, бывший сарбаз-воин Кенесары? Тем более что о своей причастности к армии Кенесары надо было молчать и молчать... А смеяться можно... Оказывается, самое бессмысленное качество в человеке – это безумный смех перед самой смертью... И такое приходилось видеть...

На вершинах Алатау растаял снег, ночью стало теплее, ведь передвигаться приходилось в основном ночами, чтобы никто не заметил, и так добрались до Аягуза, там рукой подать до Семей, и лето стояло в самом разгаре. И вот когда уже совсем устали, изнемогли, истончились и истощились, достигли путники берегов степной реки Есиль-Ишим.

Эпизод первый

РОЖДЕНИЕ ИМАНЖУСУПА И ЕГО БРАТЬЕВ

У старого казаха Кутпана от одной-единственной жены Умиш было три сына, не считая дочерей... Старшего звали Акшабай, среднего Шонай, младшего – Иманжусуп. Все трое выросли крепкими, развитыми юношами, умеющими постоять за себя.

Благословенны берега Иртыша (Ертис). Здесь если человек не лентяй, с голоду он не помрет, от кочевья не отстанет. На берегу озера или реки можно

поставить юрту, начать разводить коз и овец, которые могут питаться сочной травой. Весной, когда разливаются бурные степные реки, вода расплзается до самого горизонта, образуя благодатные и плодотворные заливные луга, арыки наполняются жирной рыбой, случайно заползшей на луга и ищущей места для метания икры. Летом, после того как вода уйдет назад в речное русло, на заливных лугах столько травы, что трудно по ней пройти человеку, тяжело продрасться сквозь заросли даже верхом на верблюде.

Добравшись до Кереку (нынешний Павлодар), Кутпан устроился батраком к одному зажиточному казаху, жившему здесь самостоятельно со своими стадами коров и косяками коней. Сенокосной травы оказалось очень много, а косить ее некому, вот бай и поручил заготовку сена на зиму Кутпану. Сам бай был трудолюбивым человеком, недаром же он нажил такое большое хозяйство, но косы в руках не держал, не знал, как ею орудовать. Да и сын у него оболтус, изрядный лентяй, как это обычно бывает с байскими детьми.

Перед заключением договора о найме батрака на работу бай пригласил Кутпана к себе домой и сказал жене:

– Этого джигита накорми и напои, он будет у нас работать.

Но жена бая даже не шевельнулась с места, а крикнула служанке: «Эй, Смуглая – Пушык кара, где ты!»

– Я здесь, – отозвалась из юрты и в самом деле смугленькая девушка. – Здесь я!

Она была в легком коричневом платье, явно с плеча хозяйки, перепоясанная тонким пояском. С плеч ее сбегала черная густая коса, очень украшавшая ее, без никаких сережек, без драгоценностей, девушка была чуть выше среднего роста, стройная. Глазки у нее были, как черные смородинки, худенькая, аккуратная девица лет восемнадцати.

– Принеси этому человеку айрана! – приказала хозяйка девушке.

Старшая жена бая была еще не старая, моложавая, и, гордясь тем, что она хозяйка в байском доме, называла другое существо женского пола пренебрежительно, отсюда и прозвище девушки Пушык кара – что значит, «маленькая черненькая». Скорее всего, эта девушка выросла в этом доме, ее, бедную сиротку, удочерили, вырастили, выкормили.

Девушка вышла. Недалеко от байского дома стоял еще один дом, это была столовая и кухня, в которой бай обычно обедал. Оттуда послышались голоса других слуг, и через несколько минут вышла и девушка Пушык кара, неся в руках большую чашу с айраном. Когда она вручала эту чашу в руки Кутпана, взгляды их пересеклись, и юношу как молния пронзила, он даже вздрогнул от неожиданности. Так состоялась их первая встреча.

Кислое молоко оказалось именно таким, какое ему хотелось. Прохладное, жирненькое, чуть кисловатое, вкусное. Кутпан залпом выпил все молоко из чаши и вернул ее девушке. Давно он не испытывал такого наслаждения от еды! Юноша смотрел на девушку не отрывая глаз, как бы говоря: «Может быть, ты дашь мне еще одну чашку?!» Девушка перевела взгляд на хозяйку, но та не обратила на них внимания.

– Давай выйдем на улицу, завершим наш разговор, – сказал бай. Кутпан вышел из дома вслед за ним. Они подошли к самому сенокосу, который начинался метрах в трехстах от байского дома. Трава поднялась высоко, в некоторых местах она достигала человеческого роста...

– Лето было дождливое, – сказал бай. – Но вот уже почти двадцать дней подряд не выпало ни капли. Трава начинает желтеть, и если ее не скосить, она ляжет на землю и просто высохнет и станет негодной ни на что. Пока соки в ней бродят, ее надо скосить и убрать в стога... Уберешь вот эту площадь, соберешь сено в стога. Когда будешь скирдовать, пошлю тебе на помощь еще

одного человека. Если человека не найду, придет помогать тебе мой сын, если он не придет, помощником твоим будет наша Пушык кара.

Кутпан так и не понял, кто она, Пушык кара, младшая жена бая, служанка или бедная родственница...

– Раньше вокруг бродили всякие разные, нищие да голодные, работу искали, а в этом году сена много, все работники заняты, людей не хватает, – сказал бай нравоучительно. – За работу получишь к осени одну овцу, одну козу. Вдобавок ко всему, дам тебе шубу на зиму и старые свои сапоги.

Что дадут, то и возьмешь. Дед Кутпана, когда семья жила на Сырдарье, был не бедный, но и не шибко богатый. Кокандцы не дали разбогатеть, грабили постоянно. И от семьи Кутпан давно уже ничего не слышал. Все, что у него есть, все на нем самом... Похоже было, что бай – человек слова. Если хорошо потрудиться, оплатит работу, не соврет, не обидит...

– Даже при том, что дашь мне одного человека в помощники, хорошо бы к первому снегу завершить и все убрать... – сказал Кутпан деловито.

– Да ты за месяц справишься, я же вижу! – сказал бай обрадованно. Он испугался, что Кутпан откажется, и тогда байская скотина зимой останется без кормов... – Если справишься с работой, наймем тебя еще на зиму. За это тебе будет отдельная плата.

В сердце Кутпана что-то ёкнуло. Если он здесь останется еще и зимой, тогда эта Пушык кара все время будет рядом с ним. Можно будет встречаться с ней иногда, поговорить, обсудить кое-что. У него появилась реальная надежда.

– Так уж и быть! – сказал Кутпан, соглашаясь на условия бая, но делая вид, что знает себе цену... «Пусть не думает, что я бродяга какой-то бездомный, ищущий работу, поэтому сразу согласился. Никогда не поздно вернуться домой, к Сырдарье. Вот если бы лошадь была!..»

– Если согласен, вот в этом месте сооруди себе шалаш из веток и соломы. Работу начнешь с рассветом, отдыхать, спать пойдешь с закатом солнца. Днем можешь немного поспать... Каждый день будем давать тебе свежего кумыса чашу. Голодным не останешься, будем кормить. Еду тебе будут сюда приносить. «Как было бы хорошо, если бы эта Пушык кара каждый день приносила мне еду! – подумал мечтательно Кутпан. – Тень ее была бы мне утолнением жажды, а слова ее – пищей от голода...»

Когда они вернулись в дом, бай приказал жене отдать наемному юноше всю его старую одежду. Бай был от природы толстоват и низкоросл, так что рукава его чапана не достигали Кутпану до локтя, не говоря о том, что рубашки бая вовсе были тесны юноше. Но в широкий чапан Кутпан мог завернуться чуть ли не дважды...

– Ты в дороге запылился весь, сходи на Иртыш и искупайся, – сказал бай.

Взяв всю «новую» одежду, которую ему дали, юноша хотел было уже идти к берегу, но, похоже, Пушык кара все слышала, поскольку стояла за дверью юрты, и вручила ему продолговатый кусок мыла. Глаза ее снова сверкнули, встретившись с его взглядом, и сердце Кутпана заныло еще сильнее...

Вода северного Иртыша показалась ему теплой, совсем как вода южной Сырдарьи... Он очень любил плавать, и на этот раз, пробуя свои силы, сплавал на другой берег Иртыша, наслаждаясь силой своих упругих мышц и животворящей ободряющей водой.

Так он стал работать у бая, вставал еще до рассвета, весь день косил сено, ложился спать, когда заходило солнце. В шалаше, который он построил себе сам, из сена и веток, было уютно, тепло. Несколько раз за лето еду ему приносила Умиш, так звали девушку, она оказалась младшей сестрой бая, но не

совсем родной, а сводной. Отец у них был один, а матери разные, Умиш родилась от младшей жены отца бая, известного в степи богатея. Когда девчонке с маленьким носиком исполнилось десять лет, неожиданно от болезни умерли родители, и она осталась на воспитании у старшего брата и его жены. С тех пор ее прозвище «Маленькая черненькая» стало ее проклятием, она фактически стала служанкой у старшей жены бая, хотя все они жили в ее собственном доме, который ее дедушка подарил ее матери в качестве приданого, когда та вышла замуж.

С малолетства ей пришлось собирать кизяк по дороге, растапливать огонь в очаге, выносить золу, зимой и летом носить воду из реки, трудно было в особенно холодную зиму, когда все вокруг замерзает, носить из степи лед и растапливать его до состояния воды для казана...

В этом доме у нее не было своего места для сна. Где падала от усталости, там и спала, перед печкой, в сарае среди овец, где придется. Кушала она украдкой, кое-как, лишь бы успеть. То высыпалась, то нет, то была сытой, то недоедала. Никто не заботился о том, чтобы сшить для нее новую одежду, она все время носила чьи-то обноски, а когда и те рвались, жена брата кричала: «Ты вчера только надела мое платье, и вот уже порвала, негодница!» Иногда приходилось на голое тело набрасывать овечий тулуп...

К концу лета участок, на который указал бай, был скошен, трава убрана в стога. Начались осенние работы по подготовке к зимовке, и тут оказалось, что бай советовался насчет предстоящих работ только с ним, с Кутпаном, а другие работники только исполняли их приказания. Бай стал доверять ему. За эту зиму Кутпан очень сильно сблизился с Умиш, они стали друзьями по несчастью, оба они были, получается, наемными работниками у ее брата...

Прошла зима, наступило новое лето, стало теплее. Тут отношение бая и его жены к Кутпану очень сильно изменилось, они стали по-другому смотреть на него. Видимо, его добросовестность в работе, честность приглянулись им. Иной раз они стали приглашать его за общий стол, при этом и Умиш оказывалась рядом. Через несколько дней они приодели обоих во все новое. Не стали препятствовать встречам наедине, не мешали разговаривать и общаться.

И однажды Кутпан спросил у Умиш: «Как ты думаешь, отчего они так заметно переменялись к нам?» На это Умиш ответила: «Не зря говорят, что батыры люди легко доверчивые и наивные. Они поняли, как мы с тобой друг к другу относимся. И они, кажется, рады этому. Они не хотят, чтобы ни я, ни вы ушли из дома. Где они найдут таких бесплатных работников, да еще послушных, исполнительных? Они, скорее всего, намерены поженить нас и выделить в отдельную семью, но под их присмотром. У моего старшего брата других родственников нет, единственный сынок сами знаете какой. Они сами его избаловали, и сейчас он месяцами может не жить дома, все по праздникам да по тоям ездит из аула в аул, смотрит, где игры какие, где какие забавы. Возвращается, когда лошадь сильно похудеет да одежда обносится».

Кутпан понял замысел хозяев. Соединив его и Умиш, бай и его жена хотят таким образом привязать их к себе, чтобы они всегда были у них под рукой, под их присмотром. Кутпан будет заправлять всеми работами по хозяйству, а Умиш заниматься домашними делами. И так должно быть всегда, что ли? Не бывать этому.

Лето они прожили, помалкивали, но вот ближе к осени Кутпан пошел к жене бая и решил прояснить ситуацию: «Мы с Умиш хотим стать одной семьей! — сказал он. — Благословите!»

— Я догадывалась об этом! — воскликнула жена бая. — Мы с прошлой осени наблюдаем за вами, все замечаем. Эта несчастная никак не могла найти своего избранника. Даже утопиться хотела из-за этого. Но это все позади... Но мы

с ней ничего не решаем. Я спрошу у мужа, что он думает обо всем этом. Он ее старший брат, он ей сейчас вместо отца...

Сказала она мужу или нет, но ответа Кутпан с Умиш ждали долго. Но вот однажды из песков Шауке приехал один человек, который прослышал о том, что имеется в этих местах такой работник, что силы он непомерной и что все умеет, и честный, и добропорядочный. Задачей этого человека было переманить Кутпана к себе, поскольку ему был нужен работник, а работы было много, уж очень сильно разрослись стада и отары этого бая. Как раз было время сенокоса, но косить сено было некому, у хозяев не хватало батраков.

В степи издавна имеется такое понятие – тенсерик. Это когда наработанное, например, собранный урожай, делится между хозяином и батраком поровну – тен. При этом не позволяется кому-либо косить траву на чужом участке, сразу же будет скандал-драка, или же нельзя на чужой участок пускать скот, тоже будет драка, доходящая до увечья... Это одна из разновидностей барымты. Могут голову разбить, руку-ногу сломать, иногда доходит до убийства человека. В вольное пользование свой участок отдают такие хозяева, которые умеют все хорошо считать. Но если такой нерадивый бай не отдает свою землю под сенокос или под жайляу, то может получиться так, что его участок порастет кураем, сено окажется нескошенным, в общем, одни убытки, но зато ни травинки чужому...

Кутпан сказал: «Поеду с вами, если отдадите землю по соглашению, под этот самый тенсерик»

– Согласен, – сразу сказал приезжий.

Но Кутпану надо было получить разрешение своего хозяина, а также объяснить все Умиш. А та сразу на все была согласна, лишь бы вырваться из-под ненавистного ей родственного крова. И получилось так, что пока старший брат девушки размышлял, что делать, Кутпан и Умиш нанялись на работы к другому человеку и уехали вдвоем.

Вслед за ними старший брат девушки послал людей, потребовал за нее, за Умиш, калым, но новый хозяин отmel это глупое требование. Какой калым можно взять с батрака, да еще за девушку, которая с малолетства проработала на чужих людей? Скандал замяли, и Кутпан с женой остались у нового хозяина...

Прошли месяцы. Работы было много, к тому же она была тяжелая, тяжелая. Иногда Кутпан думал о том, что пригнала его, приманила от самой Сырдарьи не жажда приключений, не молодой задор и верхоглядство, а любовь к этой женщине, которая годами ждала его, ждала, когда же он освободит ее от домашнего рабства. И вдохновленный ее любовью, Кутпан все силы тратил на то, чтобы косить сено, подбирать его в копны, сооружать скирды, составляя их десятками, среди которых запросто мог заблудиться человек. И он так много накопил сена и сложил его в скирды и стога, что стояли они в поле до самого горизонта, как полки пехоты на поле битвы...

Пришла осень. Хозяин молчал о первоначальной договоренности. А Кутпан ждал, когда он скажет: «Половина этого имущества твоя...» Таковы были условия тенсерика.

И все же их разговор состоялся.

«Какую часть я могу взять?» – спросил Кутпан у бая, показывая на ближайшие копны...

«Как это какую часть?» – удивился бай.

«У нас с вами есть же договор, что половина будет моей», – сказал Кутпан решительно.

Брови бая нахмурились, он сильно покраснел. Потом пошутил: «У тебя же нет дома. Зачем тебе сено? Сам будешь его кушать?» – и тут бай рассмеялся...

Кутпан на это разозлился: «Не отдадите добром, по договору, я все это сожгу! Пусть сгорит, никому не достанется!..» – закричал он зло.

Бай вздрогнул от этих его слов. Не ожидал такого гнева от батрака: «Как это сожжешь?! Ты что?.. Здесь столько денег! Ты знаешь сколько?»

«Не знаю и знать не хочу!.. Сожгу и все! Это моя работа, мой труд! Что хочу, то с ним и сделаю!..»

«Прекращай, Кутпан! Зачем жечь? Мы договорились, что возьмешь половину, так и быть. Но куда ты денешь эту половину, у тебя есть кому все это продать?»

«Захочу продать, так продам!»

«Вот правильно... Так я сам и куплю у тебя эту половину. Что за нее возьмешь?»

«Хотите взять, так берите!» – У Кутпана чуть голова не закружилась от такого поворота событий... Вот так удача...

«Так что возьмешь по нашему договору?..» – продолжил бай настаивать.

«А вы разве не знаете, что все это стоит? Сами знаете, сами скажите!..»

Бай задумался... Брови его распрямились, похоже, он что-то стал про себя считать...

– Десять овец, две коровы, которые вот-вот отелятся...

Кутпан хотел уже согласиться, но тут его что-то остановило, насторожило. Бай явно дешевил, а Кутпан, не зная точной цены всех этих стогов сена, мог сам себя обмануть. Это его и насторожило...

– Добавьте ко всему скакуна! – сказал он. – Благодаря вам я снова стану человеком с лошастью...

– Согласен и на это! – сказал бай. – Добавляю трехлетку, кунажина, не жеребую...

На этом и остановились, ударили по рукам. Как потом выяснилось, взятое у бая не было равно и трети того, что стоили эти огромные стога сена... Но что сказано, то сделано... Не годится джигиту отказываться от своих слов... Больше они к этому разговору не возвращались, продолжали жить как жили.

За байским коровником находился небольшой загон для скота, с половиной возведенными стенами. Кутпан и Умиш достроили стены, перекрыли крышу, соорудили окна, благоустроили, законопатили все дыры, вычистили все. Получилось жилище, в котором им предстояло вдвоем провести зиму. И в ту зиму им начало везти: овцы, которых им передал бай, принесли по ягненку, некоторые даже двух ягнят. Козы тоже родили своих козлят. Коровы обе родили по телят. Лошадка, которую Кутпан получил в довесок, затяжелела от жеребца, и к весне была уже с жеребенком... Настроение в маленькой семье заметно поднялось.

На следующий год по тому же договору о равных долях – тенсерiku – Кутпан взял у бая в два раза больше, чем прежде. Двадцать овец, четыре коровы, две лошади. Хозяйство бая тоже росло, каждую весну прибавляясь почти вдвое. Казахи, живущие на берегах Иртыша, оказывается, не гоняют осенью лошадей в табуны, держат их при себе, рядом с домами, поэтому сена им требуется много.

Через три-четыре года Кутпан и Умиш по имуществу почти сравнялись с большинством казахов, живущих на севере Иртыша. Они бросили землянку, примостившуюся у коровьего сарая, и построили свой дом. Кутпан продолжал неустанно трудиться и заметно разбогател.

Пришел самый счастливый для них день: Умиш родила мальчика. Назвали его Акшабай. На берегах Иртыша Кутпан прожил около двадцати лет. Количество овец в его отаре выросло до тысячи. Коровы составляли целое стадо. В конском косяке насчитывалось более трехсот лошадей.

Благодаря честному и неустанному труду, божьему благословению и удаче разбогател Кутпан, стал уважаемым человеком. Никто уже не помнил о том, что он пришелец с юга, беглый участник движения сопротивления Кенесары...

Чужие богатство и удача порождают зависть людей, что в свою очередь создает конфликты, ненависть друг к другу, интриги, ссоры. Зная, что Кутпан совершенно честный человек, злопыхатели стали клеветать на него, что нажил свое богатство воровством. Было несколько случаев попыток угона его скота.

Но жизнь брала свое, и трудолюбивая и любимая жена его родила Кутпану еще двоих сыновей, Шоная и Иманжусупа. Так что стало у них теперь три сына, один крепче и сильнее другого. Вот о третьем, о младшем сыне Кутпана и Умиш, батыре и певце Иманжусупе будет наше повествование.

Эпизод второй

КАК ИМАНЖУСУП УЧИЛСЯ В ШКОЛЕ

Кутпан был грамотным человеком, но не очень. Полгода в далеком детстве он учился у муллы, но потом начались события, которые так захватили его, что было не до учебы. Поэтому, обосновавшись на Иртыше, заимев семью, разбогатев, он решил научить грамоте своих детей. Старшие сыновья Акшабай и Шонай большого влечения к учебе не проявили. Они послушно ходили на уроки к аульному мулле, заучивали то, что тот им диктовал, научились сносно писать и читать, а потом вдруг оба в один день заявили отцу: «Избавь нас от муллы, мы ничего не понимаем в том, чему он нас учит! Что, если мы займемся нашим скотом, овец и коз будем пасти, вам и матери помогать по хозяйству... Вы же с матерью одни, трудитесь с утра до вечера, батраков не наняли. Считаете зазорным держать на работе в доме людей, так мы с братом вам поможем. Мне, – сказал Акшабай, – двенадцать, Шонаю – десять... От нас будет больше толка не в бесполезной учебе, а на работе».

На этом их отец успокоился и больше проблемами образования старших сыновей не занимался. Умеют читать и писать, расписаться от своего имени, где надо, и ладно...

Когда Иманжусупу исполнилось шесть лет, он отвел сына к тому же мулле Рахматулле, думая, что и младшему через несколько месяцев надоедят монотонные уроки и подзатыльники муллы... Но получилось так, что мулла заметил определенные способности у мальчика, тот с удовольствием заучивал Коран целыми страницами, за год опередил в знаниях всех, кто с ним вместе учился.

На третьем году обучения он озадачил муллу вопросом: «Скажите, мугалим, сколько имен у нашего Создателя, Аллаха?» Мулла Рахматулла, который окончил медресе в Бухаре и считал, что он сам весьма образованный человек, очень удивился этому вопросу. «Ты откуда это взял? – спросил он у Иманжусупа. – Тебя научил кто-то, чтобы ты меня подловил на незнании Корана?..» – «Что вы, мугалим, – ответил Иманжусуп смущенно, – только в хадисах сказано, что у Аллаха девяносто девять имен, а сотое – его имя собственное, которое произносить нельзя...» – «И что теперь? Как мы должны ответить на твой вопрос?..» – спросил мулла растерянно... В отличие от многих мулл он не был тупым и грубым жирнягой, каким остались в наших представлениях большинство мулл того далекого времени. Он оказался терпеливым, и самое главное, и сам был любознательным и пытливым человеком, для которого истина или правда были важнее самолюбия или ненужной гордыни.

И они сели вдвоем с Иманжусупом за священные книги и стали разыскивать девяносто девять имен Аллаха, Создателя нашего, да будет мир над его именем... За неделю этого увлекательного занятия они нашли все девяносто девять имен, они действительно были в этих самых книгах, и оба были этим весьма довольны. С тех пор учитель стал гордиться тем, что у него есть такой талантливый и добропорядочный ученик. Чтобы не занимать место на этих страницах, приведем лишь несколько первых имен Создателя нашего, да будет имя его благословенно в последующих веках!..

ИМЯ ПЕРВОЕ

АЛЛА (АЛЛАХ). СОЗДАТЕЛЬ МИРОВ

*Во Имя милосердного милостивого Бога! Единственный – скажи о Боге – Он!
Прибежище нам – только Божий трон. И не рождает Бог и не рожден.
Нет равных Богу, всех превыше Он.*

Коран, Сура 112. Очищение
(перевод Т. Шумовского)

*...Аллах – сам сотворил все миры, весь этот Свет,
Жизнь вдохнув, поселил Человека на одной из планет.
С его именем Луны рождаются и восходит Солнце,
С его именем ночь темнеет и день светлеет в оконце.*

*Я скажу: «Это Бог!» – и стихи сотворятся мои,
Даст подарок Аллах мне, за меня запоют соловьи.
И Земля вокруг оси обернуться успеет разок,
Вертясь веретеном и звеня, как весенний рожок.*

*Мы ведь не замечаем, как много вокруг чудес,
Миллионы звезд... И сверкает Луна средь небес,
Вокруг Солнца вращается стремительно огромный Шар, а на Земле,
Что за чудо, чай не расплещется в пиале...*

(Здесь и далее оригинальная стилизация-перевод автора романа Орынбая Жанайдарова)

ИМЯ ВТОРОЕ

АР-РАХМАН. ОСОБО ПОЧИТАЕМЫЙ

*Во Имя милосердного милостивого Бога!
Когда, победу ниспослав, Господь миров тебе помог,
И видишь – толпы собрались и пали ниц у Божьих ног,
Произнеси Ему хвалу, скажи: «Да будет славен Бог!»,
Проси прощенья у Него – Он с тем, кто кается, не строг.*

Коран, Сура 110. Помощь
(перевод Т. Шумовского)

*Человеку дав истинное души направление,
Дал Аллах сверхбогатство ему – ум-просвещение,
Если верно служил тот человек всю жизнь,
Проявлял он к нему большое уважение и терпенье,
Даровав за проступки его всепрощенье.*

*Человека он выделил, тот не зверь, не растение,
Приподнять над другими он принял решение,
Чтоб прославить Великого из Величайших,
В жизнь поэты пришли воспевать в восхищенье!*

ИМЯ ТРЕТЬЕ

АР-РАХИМ. ОСОБЕННО БЛАГОСКЛОННЫЙ

*Во Имя милосердного милостивого Бога!
Обилие тебе мы дали. До земли
В молитве преклонись и жертву заколи.
А недруг твой – скопец, потомства век лишен.
Свою судьбу клянет и ненавидит он.*

Коран, Сура 108. Обильный
(перевод Т. Шумовского)

*Чтоб он мыслил, дал мозг ему, соображенья,
Чтобы выводы делал, дал ему размышленья,
В результате тех мыслей в жизнь Наука пришла,
Привнеся гениальные измененья.*

*Если будешь ты добрый, обходительный, скромный,
Коль к Аллаху и вправду путь направишь достойный,
Он поступки твои, подсчитав, подытожит,
Даст в раю тебе место, к тебе благосклонный.*

*Милосердие – власти святыя приметы,
Гневу, злости не даст захватить тебя в сети,
И с прямого пути не свернет человек,
Слово Бога – в Коране возьмешь ты советы.*

*Милосердье – характера проявление заметное,
Белым парусом ветер управляет заветный,
И когда милосердье – достояние власти,
Расцветает страна, лучшей став на всем свете.*

ИМЯ ЧЕТВЕРТОЕ

АЛЬ-МАЛИК. ЦАРЬ, ХОЗЯИН ВЛАСТИ

*Во имя Аллаха милостивого и милосердного!
Благословен венчанный властью, который всюду правит всем,
Кто создал жизнь со смертью, чтоб вас испытать созданием тем:
Кто благороден по деяньям? Бог всепрощающ и велик,
Семью рядами свод небесный по воле Господа возник.*

Коран, Сура 67. Власть
(перевод Т. Шумовского)

*Он – особо святой, Царь Божество!
Он – единственный, нет второго такого Божественного!
В этом святость Аллаха – вращается шар Земли – Естество,
И разбрасывают Луна и Солнце лучи торжественно!*

*Не счесть милостей бога, поклоняясь ему,
Его святость посильна лишь ему самому,
Словно рядом он с нами, он все знает про нас,
Все хорошее и плохое – все известно ему.*

*Много качеств, которые мы любим в нем,
Перед тем, как назвать, мы склонились челом,
Чтоб не стать пред Аллахом вдруг виноватым,
Люди, будьте честны, белее белой ваты...*

Четыре года учился Иманжусуп у муллы, ему было десять лет, когда отец, прослышав о том, что в Акмолинске открылась семилетняя школа-интернат для детей-казахов, решил, что Иманжусуп должен учиться в ней. Так что стихи Абая о том, что «...наши дети учатся в интернате...» – это истинная правда...

Отец привез мальчика в Акмолинск, устроил его в доме своего русского друга Виктора (Бектура) Петрова и, ни о чем плохом не думая, уехал в аул Карасу...

Первую неделю Иманжусуп проучился нормально. Он успешно сдал экзамены за первые три класса, его определили в четвертый класс. Первая неделя занятий показала, что в арифметике и других естественных науках, как естествознание и природоведение, он опережает своих одноклассников. Это при том, что все его одноклассники были старше его, им было по пятнадцать-шестнадцать лет. В школе в основном учились дети городских чиновников, купцов и зажиточных русских мужиков. Детей крупных городских чинов, полицейских и казачьих офицеров отправляли учиться сразу в кадетский корпус в Омск...

В школе-интернате казахских детей обучали только с первого по третий класс, четвертый и выше – это была привилегия для особенно одаренных детей да тех, за кого родители могли заплатить.

Появление Иманжусупа сразу в четвертом классе очень не понравилось некоторым русским оболтусам, кое-как справлявшимся с учебой. Такие дети учиться не хотели, они знали, что по окончании четвертого класса родители определят их на работу, кого приказчиками в лавки, кого в почтовую контору, кого каким-нибудь мелким чиновником или городовым полицейским... Главное, что они уже были грамотеями, что в Акмолинске конца девятнадцатого столетия было немало... Везде и всюду уже внедрялась русская письменность, царская администрация вела документацию на русском языке, казахская (арабская вязь) письменность отодвигалась на второй, а то и на третий план.

Иманжусуп, благодаря соседке Марфе Матвеевне, которая давала ему бесплатные уроки русского языка, хорошо говорил по-русски, много прочел русских книг, усвоил Пушкина и Лермонтова, Некрасова и Кольцова. Он не забывал свой родной казахский язык, знал наизусть многие поэмы, перечитал все, что мог достать его отец. Особенно зимними вечерами, когда глава семейства, уставший после рабочего дня, ложился на кровать отдохнуть, он давал Иманжусупу очередную книгу, к примеру, лирическую поэму «Кыз Жибек», и говорил: «Почитай мне! Я что-то сегодня сильно устал...» И Иманжусуп, польщенный вниманием отца, читал старательно, громко, с выражением. Строки про то, как Толеген едет к своей невесте Кыз Жибек, и про то, что его в пути подстерегают засада и вражеская стрела в спину, особенно волновали его... Но тут тихо подходила мать, брала у него из рук книгу и говорила: «Не кричи... Не видишь, что ли? Отец твой уже спит...»

Так вот, успехи Иманжусупа очень не понравились его соученикам, и они, эти самые русские переростки-оболтусы, решили его наказать... Попросту говоря, хорошенько избить. Если бы они знали, с кем связались...

О том, что его хотят отлупить «старшаки», Иманжусупу рассказал мальчик, сын татарского купца Муфтахутдина: «После уроков они подстерегут тебя за школой... Берегись!..» Он случайно подслушал разговор «старшаков», при этом Тимошка, который вызвался наказать Иманжусупа за зазнайство, говорил, что использует какую-то «гирьку»...

Тимошка был долговязым, конопатым, наглым шестнадцатилетним сыном купца Сидоркина. Поговаривали даже, что он курит... Зубы у него были желтые.

Одиннадцатилетний Иманжусуп был пареньком крепкого телосложения, высокий, и в свои годы выглядел как пятнадцатилетний подросток. Во всяком случае, старшего брата Акшабая ростом он еще не догонял, но вот среднего старшего брата Шоная легко борол, бросая на пыльную траву. Но все равно он не дотягивал до Тимошки, едва доставая тому до плеча...

И что было делать? Как можно бороться с гирькой?.. Иманжусуп догадался, что эта «гирька» – торговая гиречка граммов на двадцать-тридцать, которая будет на веревочке или на резинке. Если ее бросить в голову, она сильно ударит, но не упадет, а отлетит назад, поскольку висит на пальце бросающего ее человека...

Что можно было сделать?..

Иманжусуп заметил в прихожей вешалку для одежды, состоящую из двух-трех досок и вбитых в них квадратных гвоздей со шляпками... На эти гвозди и вешалась одежда учащихся. Пока никто не видит, Иманжусуп распатал один гвоздь, вытащил его из вешалки и спрятал в карман... Такие гвозди выковывают обычно аульные кузнецы...

Во время занятий Иманжусуп вел себя спокойно, иногда замечая косые взгляды одноклассников. Ничего хорошего они ему не предвещали...

Занятия закончились, и теперь все должны были перейти из класса в столовую. К ней вела небольшая аккуратная аллея из тополей и берез. Там его и ждал Тимошка со своими друзьями. Их было человек пять-шесть.

Когда Иманжусуп приблизился к ним, долговязый Тимошка выдвинулся, перегородил Иманжусупу дорогу и сказал:

– Что, киргизенок, в школе хочешь учиться?! – и выбросил правую руку вперед. Гирька, привязанная к среднему пальцу, полетела в голову Иманжусупа, но тот пригнулся... Гирька не успела отлететь назад, снова к пальцу Тимошки, как Иманжусуп выхватил из кармана тяжелый гвоздь и воткнул его между глаз Тимошки...

Кровь брызнула, как фонтан, из лба пацана, Тимошка завопил, хватаясь за голову, и упал на задницу. Его друзья от страха бросились бежать кто куда, крича: «Убил!.. Убил!..»

Иманжусуп, тоже испугавшись сделанного им, бросился бежать прочь от школы. Придя на квартиру, он собрал вещи и ушел на проселочную дорогу, ведущую в сторону Карасу. Ему повезло, как раз в его аул ехала подвода, которая подвезла его до самого дома.

Он все рассказал матери... Та повздыхала, сказала только: «Главное, что ты сам живой...»

Отец, узнав обо всем, в гневе хотел отстегать его кнутом, но мать решительно вступилась за сына, при этом сказала: «Тронешь мальчика, я тебе голову разобью!..» Зная крутой нрав матери, отец успокоился...

Семья весь вечер обсуждала это происшествие, а Иманжусуп думал об одном: «Где мне теперь учиться?..»

Наутро отец кинул в кошевку барана и отвез его директору школы с извинениями. О возвращении Иманжусупа на занятия в школе не могло быть и речи.

Тимошка, пролежав неделю дома, снова вернулся в школу живой и здоровый. Несколько лет у него на лбу виднелся небольшой шрам, который он закрывал картузом. Только и всего...

На этом образование Иманжусупа и завершилось... Повзрослев, он частенько наезжал в Акмолинске в городскую библиотеку, в которой засиживался днями, прочитывая все выходившие новые газеты, поступавшие новые книги на казахском и русском языках. Но основной пищей для его нарастающего поэтического таланта продолжали служить народные песни и сказания, а также стихи казахских поэтов, акынов и жырау прошлого.

Им самим самостоятельно были выучены выходившие в те далекие годы первые казахские книги Ибрая Алтынсарина, стихи Абая.

*Дитя, когда учиться станешь ты,
То знание средь полной темноты
Светлее ламп осветит путь тебе,
И станут явью все твои мечты.*

Эпизод третий

ГАЗЕТА «ДАЛА УАЛАЯТЫ» – «КАЗАХСКАЯ СТЕПНАЯ ГАЗЕТА», 1892 г.

«...Осмотр выставки был начат с правой отдельной юрты, принадлежащей богатому казаху Акмолинского уезда. Она была расшита снаружи цветными сукнами, а внутри украшена разными вышивками, дорогими материями и парчой, так что даже кошмы в ней было не видно. Кругом всей внутренности юрты были развешаны дорогие мужские и женские одежды и шубы; на правой стороне стояла драпированная атласным балдахинном кровать: словом, это была самая богатая юрта из всех выставленных в ауле. Здесь была представлена Высокому гостю казахская невеста в роскошном костюме и “саукеле” (старинный казахский женский головной убор, надевавшийся во время свадьбы и в первый год замужества, в особенно парадных и торжественных случаях жизни) с несколькими девушками – ее подругами, которые были заняты обычным девичьим рукоделием (шитьем платья и разными вышиваниями). При входе в юрту, справа, была установлена саба с кумысом – непременная принадлежность юрты казахской богатой хозяйки. При входе Цесаревича в юрту все бывшие в ней встали и поклонились Высокому Гостю.

Затем его Высочество изволил наблюдать доение овец и кобыл и стадо верблюдов. Для того чтобы лучше и ближе рассмотреть этих выючных животных, не употребляемых в Европейской России для перевозки тяжестей, Государю Цесаревичу угодно было пожелать, чтобы стадо верблюдов было пригнано ближе к месту осмотра.

После этого Государь Цесаревич изволил войти в юрту казаха Атбасарского уезда Мейрама Жанайдарова, в которой были выставлены разные предметы древней казахской одежды и вооружения и три небольшие модели юрт, из которых одна была сделана из тонкого серого сукна, а две другие меньшие из белой кошмы. В числе древнего вооружения были кольчуги с железными поясами, налокотники, шлемы, пики, древние сабли, луки, стрелы, древние драгоценные седла со всеми приборами, старинные войлочные колпа-

ки, старинные пояса. Особого интереса при осмотре этой юрты заслужили исторические памятники казахской старины: соболя шуба, парчовый пояс и украшенная большими ценными камнями сабля, пожалованные 27-го мая 1782 г. Императрицею Екатериною Великою по случаю утверждения в этот день Валия ханом Средней Орды. (В этом смысле сделана надпись золотыми буквами на клинке драгоценного оружия).

Следующая юрта, принадлежащая казаху Черликовской волости Омского уезда Тастанбеку Чунаеву, была украшена при входе зеленью, флагами и транспарантом с вензелевым изображением Имени Его Высочества. В этой юрте была представлена обстановка богатой казахской семьи. Разумеется, видное место в юрте занимала большая “саба” с кумысом и очень хорошо отделанным “писпеком”. Кроме того, на столах в середине юрты были расставлены блюда с казахскими яствами и чай. Между яствами первое место занимало блюдо с вареной бараниной в том виде, как она, по казахскому обычаю, подается почетному гостю, т. е. блюдо было наполнено самыми вкусными кусками мяса, печенки, бараньего жира и увенчано отваренной бараньей головой – неперменной принадлежностью почетного угощения; затем стояло блюдо с “казы” (соленый и копченый брюшной конский жир и мясо с ребром, заключенные в кишку, как колбаса), куырдаки (жареное мясо, по преимуществу баранье, в бараньем жире), “палау” – (вареный рис с бараниной), бауырсаки и прочие деликатесы. Государь Цесаревич изволил подробно осмотреть эту юрту, обставленную в несколько рядов сундуками. Эта прекрасная большая юрта превосходила многие другие очень хорошо и прочно сделанным и окрашенным деревянным остовом. С одной стороны она была увешена по стенам разною богатою одеждою и обставлена посудою для кумыса, сделанною из березового корня. С другой были представлены предметы и способы охоты на зверя. Тут висели шкуры барсов, рысей, лисиц, архаров, маралов, волков, ими была увешена вся левая сторона юрты. Кроме того, здесь находились живая молодая лисица и молодая антилопа (сайга), последняя особенно интересна тем, что сайга редко переносит неволю, а этот маленький экземпляр уже охотно щиплет траву, так что есть вероятие вырастить ее. Как способы охоты были выставлены беркуты с колпачками, ястребы, фитильные и другие ружья и капканы. В следующей юрте были представлены казахские ремесла: столярное, кузнечное, слесарное и серебряное. Каждый мастер был с принадлежащими ему ремеслу инструментами, причем некоторые мастера удостоились чести и счастья поднести Государю Цесаревичу свое изделие. В шестой юрте, поставленной для выставки полковником султаном Чингисом Валихановым, помещались казахские музыканты, певцы и импровизаторы, которые приветствовали Его Высочество стихами, нарочно составленными для торжественной встречи Высокого Гостя.

Потом Государь Цесаревич удостоил посещением научный и учебный отделы выставки в казахском ауле. В роскошно убранной первой юрте, привезенной для выставки Теренгульским волостным управителем, были помещены коллекции музея Семипалатинского Областного Статистического комитета. Коллекции эти представляют собрание многих интересных древних и нынешних принадлежностей казахской жизненной обстановки, оружия, посуды, музыкальных инструментов. Особенно интересно в зоологической коллекции – полное собрание насекомых: бабочек, жуков, пчел, мух и вредных насекомых – пауков и скорпионов. Насекомые размещены систематически, и каждый экземпляр снабжен названием и указанием места, где он пойман. Археологическая коллекция музея состояла из очень интересных находок древних золотоносных россытей; тут были разные орудия и оружие

каменного и бронзового веков: каменные и бронзовые топоры и стрелы, бронзовые ножи, кайла, кирки и иголки.

В следующей юрте помещалась минералогическая коллекция музея, состоявшая из многих очень интересных в научном отношении ископаемых следов раковин и растений, образцов каменного угля, руд и цветных камней. В коллекции были помещены образцы предметов и результатов обработки медных и серебросвинцовых руд, постепенно до получения чистых металлов: свинца и серебра, с бликом последнего в 7 футов 30 золотников.

Того же числа 15 июня в 7 часов вечера Его Императорское высочество осчастливил своим посещением народные скачки, устроенные на ипподроме Омского общества любителей конского бега. Имея в виду, что коневодство составляет главное богатство казахских степей и любимое занятие как кочевников, так и сибирских казаков, а степная лошадь отличается своей резвостью и выносливостью. Для участия в скачках были приглашены все владельцы конских табунов, записано было на скачки 52 лошади, принадлежащие преимущественно к степной породе.

Дистанции для скаковых испытаний были назначены Его Императорским Высочеством: одна на 10 верст для испытания выносливости лошадей, а другая на 3 версты, для испытания резвости. На первую дистанцию с призами для 3-х лошадей записано было 33 лошади местной степной породы, из коих 27 принадлежали казахам, 3 – мещанам г. Омска, 2 – сибирским казакам и 1 – татарину из мещан Омска. Назначенная для скачек 10-верстная дистанция пройдена была лошадью, принадлежащую казаху Атбасарского уезда Акмолинской области Мейраму Жанайдарову, в 15 минут 15 секунд, т.е. со средней скоростью на версту 1 минута 30,5 секунды. На вторую дистанцию с призом для 4-х лошадей записана была 21 лошадь той же породы, из коих 14 принадлежали казахам, 1 – мещанину из г. Омска, 1 – купцу г. Омска, и 5 сибирским казакам. Назначенная для скачек дистанция пройдена была первою лошадью, принадлежащую казаху Ивану Рытову, в 4 минуты 8 секунд со средней резвостью 1 минута 23,3 секунды на версту.

Во все время продолжения скачек Его Высочество живо интересовался результатами испытаний, неоднократно выражая одобрение резвости и выносливости степных скакунов и лихим наездникам – малолеткам казачатам, разодетым в пестрые народные костюмы и скакавшим с беззаветной удалью. По окончании скачек Его Высочество пожелал сделать выводку всех лошадей, взявших призы, интересовался как родопроисхождением этих лошадей, так и способом их воспитания и тренировки, осчастливив владельцев их расспросами о местном коневодстве. Затем Его Высочество пожелал лично раздать владельцам лошадей взятые призы, назначением им от Своего имени золотых часов с цепочками.

Нижепоименованные лица осчастливлены были вручением следующих призов:

По 10-верстной скачке:

Первый приз: золотые часы с цепочкой от Его Императорского Высочества – казах Мейрам Жанайдаров;

Второй приз: серебряное ведро, ценностью в сто руб., от Омского общества охотников конского бега в честь Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича – казах Мустафа Жанибеков”.

Третий приз: серебряный подстаканник, ценностью в 60 руб., от того же общества – казаху Мейраму Жанайдарову.

Кроме того, все наездники-подростки, взявшие призы, награждены были лично Его Высочеством по золотому полумимериалу, чем малолетки приведены были в неописуемый восторг.

Оставшись довольным результатами скачек и милостиво приняв печатный экземпляр отчета о деятельности скакового общества за 1887–1891 гг. с очерком коневодства в степном крае, Его высочество изволил осчастливить Вице-президента Общества А. Дмитриева-Мамонова благодарностью за доставленное зрелище и похвалой за примерный порядок и распорядительность во время скачек».

* * *

В 1892 году, когда в казахскую степь приехал посмотреть на выставку народного производства и творчества цесаревич Николай Александрович, будущий российский царь Николай Второй, Иманжусупу исполнилось 29 лет. В самом расцвете молодых сил. Он вполне мог быть участником выставки в Омске, посвященной приезду Его Высочества.

В 29-30 лет у поэта, как и у композитора, должны быть сочинены его основные лирические произведения... Иманжусуп, получивший основательное начальное образование в русской школе, вполне мог записывать свои стихи на бумагу, но по традиции того времени новые стихи или песни после, так сказать, первого исполнения на публике тут же запоминались людьми и передавались от одного к другому. Так что большой необходимости записывать эти тексты на бумагу не было...

И здесь возникает еще один законный вопрос: как жили казахи в конце девятнадцатого столетия в составе Российской империи, при правлении царей Александров Второго и Третьего, отца и дяди наследного принца, цесаревича Николая Александровича?

В середине девятнадцатого века закончилось самое крупное за последние десятилетия восстание султана Кенесары, многие участники этого движения были прощены Его Императорским величеством и получили свои земли и наделы. К примеру, богатый казах Мейрам Жанайдаров, аргын из рода Суюндик Средней орды (Жуза). Его лошади стали победителями на скачках 1892 года в городе Омске, заняв первое и третье места в состязаниях на десять верст. Он был сыном Жанайдара Орынбаева, активного участника движения султана Кенесары Касымова. Бий Жанайдар Орынбаев – один из военачальников Кенесары, воевавший вместе с ним с самого начала восстания и до его конца, по окончании последней крупной войны в степи вернувшийся к месту своего прежнего проживания, был прощен его Императорским величеством, амнистирован.

Об этом и о многом другом современники Иманжусупа и он сам могли прочесть из книги племянника Кенесары Ахмета Кенесарина «Султаны Кенесары и Сыздык», изданной в 1899 году в Ташкенте. Книга, первоначально написанная на казахском языке, была переведена на русский язык при посредстве некоего чиновника Е. Т. Смирнова.

В том же номере газеты «Дала уалаяты» рядом с информацией о книге А. Кенесарина имеется сообщение о завершении строительства самой высокой башни в мире в Париже, названной в честь ее архитектора и строителя Ж. Эйфеля. Высота башни 330 метров.

О движении хана Кенесары было много научных споров и разгромных статей в советской печати. Эта яростная дискуссия и ее итоги нас не интересуют. Не наша это забота...

Вот что именно писала о движении Кенесары газета «Дала уалаяты» в 1892-м, эту газету мог читать Иманжусуп Кутпанулы, ему уже тогда было без малого, повторяю, 29 лет... Возраст не только завершающейся молодости, но и начинающейся зрелости...

В этой статье была отражена имперская точка зрения на восстание казахского народа во главе с ханом Кенесары. Вполне можно понять тогдашних историков. Восстание окраинной степной орды против России, хотя и длилось целых десять лет, было обречено на жестокое поражение... Могучая Россия в недавней войне разгромила самого Наполеона с его хорошо выученной, лучшей в Европе армией. Куда было тягаться отрядам Кенесары и Наурызбая с такой огромной державной силой!... Так что дадим слово тогдашнему корреспонденту газеты «Дала уалаяты»:

«...Кенесары-хан был наездник-партизан, проявлявший изумительную деятельность, – находясь всегда впереди своих скопищ, легко разбивал стрелителем своих атак ополчения враждебных родов и султанов-правителей, которые в конце концов бежали из степей на оренбургскую казачью линию. Удачный предводитель султан Кенесары часто рисковал жизнью под залпами оренбургских линейных батальонов и пушечной картечью. Если бы с востока и запада не наступал сильный враг с неодолимым строем своих батальонов, с пушками, и если бы Кенесары меньше увлекался грабительскими инстинктами, он мог быть грозным ханом степей и быть весьма опасным для тогдашних государств Средней Азии: Коканда, Бухары и Хивы.

Сын этого знаменитого в казахских степях хана султан Сыздык (Садык) личность тоже примечательная. Он известен как энергический предводитель партий казахских и туркменских наездников, бывших с русскими войсками при завоевании Средней Азии. Деятельность Садыка, обнимающая период времени с 1864 по 1876 годы представляет интересный и ценный материал для истории покорения нами Кокандского и Хивинского ханств, войны с Бухарой и сношений с Кашгаром. Прежде всего Сыздык – отчаянный степной разбойник и отличный партизан, который наводил в 70-х годах страх на передовые линии в Туркестане, нападая всегда неожиданно на слабых местах и нападая более смело и энергично, чем другие предводители казахских и туркменских партизанских партий. В 1877 году этот последний боец за независимость казахского народа перешел в наши пределы, после чего был вызван в г. Ташкент к генерал-адъютанту Кауфману, где ему объявили: «Повинную голову не секут, не рубят. Великий государь прощает тебе твою прежнюю вину. Живи в наших владениях, где пожелаешь. Генерал-адъютантом Кауфманом было вытребовано от Бухарского эмира семейство Сыздыка и возвращено ему. В настоящее время султан Сыздык живет в Чимкентском уезде, на реке Арысь, верстах в шести от сартовского (узбекского) селения Кара-булак»).

